

ВЕРОНСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ЛЮДОВИКА XVIII

Людовик XVIII, король Франции и Наварры, не избалован вниманием историков. Последние серьезные научные работы, посвященные этому монарху, появились относительно давно¹. Еще более ранние публикации были написаны преимущественно в жанре научно-популярных биографий, да и они немногочисленны.

Известная сентенция, что историю пишут победители, в полной мере проявилась и в посмертной судьбе Людовика XVIII. До Французской революции 1789 г. брат Людовика XVI Людовик-Станислас-Ксавье, граф Прованский, носивший титул Месье, считался блестящим придворным кавалером, обладавшим множеством талантов: он хорошо знал латынь и латинских авторов, говорил по-итальянски и по-английски, отлично разбирался в религиозном церемониале и фундаментальных законах французской монархии, отличался прекрасной памятью и, как считалось, был прекрасным историком.

Стремительное развитие революционных событий не оставило от этой репутации и следа. Отправившись в 1791 г. в эмиграцию, граф Прованский вынужден был скитаться по европейским странам от России до Англии. После смерти племянника – сына и наследника казненного Людовика XVI – в июне 1795 г. Месье провозглашает себя королем Людовиком XVIII. Однако занять трон ему удастся только через 19 лет, в 1814 г., когда Наполеон потерпит поражение в войнах с антифранцузской коалицией. Король без королевства, король-неудачник, король-эмигрант – таким он обычно предстает со страниц исторических трудов. Да и интерес к нему проявляют по большей части историки Реставрации, тогда как историки Революции вспоминают о Людовике XVIII лишь тогда, когда речь заходит о событиях 1795 г.

Этот год во многом оказался решающим для судеб французской монархии. После заключения мирных договоров между Францией и рядом держав антифранцузской коалиции становилось понятно, что надежды на реставрацию королевской власти при помощи иностранных войск тают на глазах. Напротив, усталость от революционных пертурбаций, обсуждение новой конституции Французской республики и грядущие выборы позволяли роялистам попытаться прийти к власти мирным путем. Но для этого им нужно было привлечь на свою сторону общественное мнение и хотя бы часть депутатов Конвента. В этой ситуации Месье не только объявил всем европейским государям о своем восшествии на престол под именем короля Людовика XVIII, но и обратился к подданным со специальным манифестом, изложив в нем свое политическое кредо. Поскольку тогда он находился в Вероне, на территории Венецианской республики, этот документ получил название Веронской декларации.

Оценки Веронской декларации у различных авторов, как правило, схожи. Известный французский историк А. Собуль считает, что верх в ней одержали абсолютисты, сторонники возврата к Старому порядку². По сути, согласен с ним и Ф. Фюре. Он задается вопросом: “Сможет ли на сей раз восстановленная монархия опереться

Бовыкин Дмитрий Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ.

¹ *Mansel Ph.* Louis XVIII. London, 1981 (reed. 1983, 1999, 2005); *Lever E.* Louis XVIII. Paris, 1988 (reéd. 1993, 2007, 2012). В России не вышло ни одной монографии об этом монархе.

² См. *Собуль А.* Первая республика. М., 1974, с. 199.

на усталость в стране при условии, что пройдет часть пути ей навстречу? Брат Людовика XVI и его окружение оказались к этому не готовы. Наоборот, подписанная в Вероне королевская прокламация поставила в порядок дня при возвращении наказание цареубийц и возрождение сословий”³. И сегодня Декларация обычно представляется манифестом, подтверждающим неизменность взглядов наиболее твердолобых роялистов – “сторонников полной и абсолютной контрреволюции, в том виде, в каком ее отстаивали начиная с 1789 г. первые эмигранты в Турине и в Кобленце: враждебной всякому компромиссу с революцией, отказывающейся от каких бы то ни было политических и социальных преобразований, рассматривающей в качестве максимально возможной уступки программу, объявленную Людовиком XVI 23 июня 1789 г. и предполагающую восстановление абсолютистского режима”⁴.

Нарисованная историками картина никак не согласуется с дореволюционным образом графа Прованского, считавшегося самым либеральным из трех братьев Бурбонов. Его искренность подчас вызывала сомнения у осведомленных современников, однако ни в документах эпохи, ни в мемуарах ни разу не встречается никаких реальных сомнений по поводу его вменяемости и готовности идти на компромиссы. Когда в 1787 г. падение авторитета Людовика XVI и Марии-Антуанетты породило лавину оскорбительных памфлетов и сатирических гравюр, на эстампе, изображавшем умирающую Францию, именно Месье перевязывал ей раны. 17 августа того же года, когда граф Прованский прибыл в Счетную палату для регистрации королевского эдикта, его встретили там цветами и шквалом аплодисментов, в то время как его младшего брата, графа д’Артуа, приехавшего с тем же эдиктом в Налоговую палату, освистали⁵.

И позднее, летом-осенью 1789 г., граф Прованский тоже пользовался популярностью, а после переезда королевской семьи в Париж в октябре 1789 г. ходили разговоры, что его следует назначить главой Совета⁶ или правительства. Согласно некоторым свидетельствам, благосклонности Месье искал Э.-Ж. Сийес⁷, с ним начал активно сотрудничать граф де Мирабо, произнесший в те дни фразу: “Династия погибнет, если Месье не возьмет бразды правления в свои руки”⁸. А совсем незадолго до провозглашения Веронской декларации, в феврале 1795 г., граф Прованский обратился к влиятельному монаршю (как называли сторонников конституционной монархии по английскому образцу) и бывшему председателю Учредительного собрания Ж.-Ж. Мунье с пространном посланием, где изложил свое более чем умеренное политическое кредо⁹.

Анализ истории создания Веронской декларации¹⁰ показывает, что текст был подписан Людовиком XVIII примерно в конце первой декады июля 1795 г. Хотя в историографии бытует мнение, что на него огромное влияние оказали наиболее кровожадные и консервативные эмигранты¹¹, никаких подтверждений этому ни в исследованиях, ни в документах эпохи нет. Напротив, прежде чем приступить к созданию Декларации, окружение Людовика XVIII попыталось собрать всю доступную информацию

³ *Furet F.* La Révolution. Paris, 1988, p. 170.

⁴ *Bourdin F.* Les résistances royalistes au Directoire. – Révoltes et révolutions en Amérique et en Europe (1773–1802). Paris, 2005, p. 100.

⁵ *Biographie universelle ancienne et moderne. Sous la dir. de L.G. Michaud.* V. 25. Nouvelle édition. Paris – Leipzig, [185?], p. 241.

⁶ *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette, publiés par sa famille*, v. 2. Paris, 1837, p. 11.

⁷ *Ibid.*, p. 49.

⁸ *Archives parlementaires*, 1ère série, t. XIX. Paris, 1884, p. 401.

⁹ *Louis XVIII.* Lettre du Roi Louis XVIII à M. Mounier, ex-Président de la 1re Assemblée constituante. Vérone, février 1795. Bordeaux, Imp. de F. Degréteau, [s.d.].

¹⁰ Подробнее см. *Бовыкин Д.Ю.* Подготовка Веронской декларации 1795 года (история одного просчета). – Всеобщая история. Современные исследования, вып. 21. Брянск, 2012, с. 63–78.

¹¹ *Daudet E.* Histoire de l’émigration pendant la Révolution française, v. 1–2. Paris, 1904–1905; v. 1, p. 285; *Godechot G.* La contre-révolution. Paris, 1984, p. 183; *Winock M.* L’héritage contre-révolutionnaire. – L’histoire de l’extrême droite en France. Paris, 1993, p. 26.

о состоянии умов во Франции, чтобы понять, какой именно текст будет иметь наибольшие шансы на успех. Одним из источников сведений были знаменитые “бюллетени” бывшего депутата Генеральных штатов графа д’Антрэга, чьими услугами с удовольствием пользовались английский, испанский, российский, австрийский, португальский и неаполитанский дворы. Этим сведениям доверяли, а из них напрашивался однозначный вывод: реставрация монархии во Франции возможна и даже желанна.

Кроме этого источника, граф Прованский привлек и другой. Незадолго до принятия Декларации граф д’Артуа, младший брат Месье, отправил свое доверенное лицо графа Ф. де Сент-Альдегонда к известному швейцарскому публицисту-монаршьену Ж. Малле дю Пану, поставлявшему информацию о положении дел во Франции многим европейским дворам и считавшемуся одним из главных авторитетов по ситуации в стране. Посланцу было поручено передать журналисту от принцев 28 вопросов, которые позволили бы им удостовериться в правильности своих оценок происходящего во Франции. Помимо ответов Малле переправил Людовику XVIII специально составленный меморандум, содержавший его размышления по основному кругу проблем, волновавших в то время короля в изгнании¹².

Таким образом, граф Прованский обращался за консультациями не к ультрароялистам, а к гораздо более умеренному течению среди сторонников восстановления королевской власти – к конституционным монархистам. Кстати, они и сами искали возможность донести до короля свои взгляды. Друг Малле дю Пана монаршьен Т.Ж. Лалли-Толандаль через известного роялиста маршала де Кастри даже отправил в Верону свой проект Декларации¹³. В фонде Бурбонов Архива министерства иностранных дел Франции сохранилось немало и иных проектов, причем разной политической направленности, но, разумеется, при общем признании права графа Прованского на королевский титул¹⁴.

Для авторов некоторых из них было очевидно, что королевский манифест должен быть проникнут идеей компромисса между старым и новым, чтобы привлечь на сторону монарха широкие слои французского общества – от дворян-эмигрантов до тех сотен и тысяч французов, которые уже успели воспользоваться предоставленными революцией социальными лифтами. Призывали короля к умеренности и его ближайшие соратники, в частности тот же маршал де Кастри¹⁵. Как же в таком случае появился на свет документ, получивший столь негативную оценку историков? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно рассмотреть его текст подробнее.

Декларация открывалась традиционной для Старого порядка формулой: “Людовик, милостью Божьей король Франции и Наварры, всем нашим подданным”¹⁶. Однако в 1795 г. эти слова воспринимались уже совсем по-иному и свидетельствовали прежде всего о том, что новый король игнорирует те изменения в системе государственной власти, которые произошли во Франции после 1789 г. Ведь декларации Людовика XVI, конституционного монарха, начинались совсем иначе: “Людовик, милостью Божьей и в силу конституционного закона государства, король французов, всем гражданам”¹⁷.

Итак, уже начиная с самой первой фразы Людовик XVIII столкнулся с необходимостью сформулировать свое отношение к предшественникам и их деяниям. Задача была не из легких. Прежде он не раз критиковал брата, причем довольно жестко, и за

¹² См. *Mallet du Pan J. Mémoires et correspondance de Mallet du Pan pour servir à l’histoire de la Révolution française recueillis et mis en ordre par A. Sayous, v. 2. Paris, 1851.*

¹³ Archives du Ministère des Affaires Etrangères. Mémoires et documents. France (далее – МАЕ). V. 588. 1790–1795, f. 390–398v.

¹⁴ Ibid., f. 228–267.

¹⁵ Minute d’une lettre date du 1er juin, annotée et complétée les jours suivants et expédiée à Vêrone par le maréchal de Castries, depuis Eisenach en Thuringue. Archives du château de Castries, année 1795. Цит. по: *Castries, duc de. Louis XVIII. Portrait d’un roi. Paris, 1969, p. 94.*

¹⁶ Цит. по: *Louis XVIII. Déclaration de Louis XVIII, Roi de France et de Navarre à ses sujets. [s.l., s.d.].*

¹⁷ См., например: *Proclamation de Louis XVI. 28 septembre 1791. – Œuvres de Louis XVI, v. 2. Paris, 1864, p. 245.*

слабохарактерность, и за недостаток интеллекта, и за то, что, находясь в плену у революционеров, король по сути сам разрушает Старый порядок. Неоднозначным было и отношение графа Прованского к детям королевской четы, поскольку их рождение лишило его статуса наследника престола. И современники, и историки склонны обвинять Людовика XVIII в том, что он немало потрудился, дабы доказать, что дети эти незаконные¹⁸. Не пытаясь отделить правду от вымысла, заметим лишь, что новый монарх, несомненно, знал о том, что ему приписывает общественное мнение, и вынужден был принимать это в расчет.

Видимо, поэтому в первом же абзаце Декларации король безудержно восхваляет своего малолетнего предшественника Людовика XVII, “который правил лишь в оковах, но даже одно его детство обещало, что он станет достойным преемником лучших из королей”. Тем самым он давал понять, что не ставит под сомнение законное происхождение племянника. Однако именно этот пассаж вызвал немало заслуженно насмешливых комментариев, поскольку мальчику было всего 10 лет, последние годы он провел в тюрьме, отдельно от семьи, отданный на воспитание члену Парижской коммуны и клуба Кордельеров сапожнику Антуану Симону. “Если бы ваш король посоветовался со своим секретарем, – ехидничал один из немецких дворян, – он вычеркнул бы эту ученическую фразу. Как можно править в оковах? Какой акт королевской власти исходил от совета Людовика XVII и его канцелярии? И вообще, как это Людовик XVIII ухитрился разглядеть в пятилетнем ребенке, отданном в руки бесчестных воспитателей и только их и видевшем, качества, подходящие для лучшего из королей?”¹⁹.

Вместо того чтобы сказать несколько слов и о Людовике XVI, который в отличие от сына реально управлял страной, король обращается к эпохе Генриха IV. Из относительно недавней истории этот монарх действительно был самым удачным примером государя, унаследовавшего престол среди ужасов гражданской войны, сумевшего отвоевать свое королевство, положить конец распрям и оставить положительный образ в национальной памяти. Людовик XVIII заявляет в Декларации, что хочет взять за образец благородную честность и милосердие Генриха IV, его успех в “восстановлении в нашей империи царства порядка и закона”, его умение соединить доброту и справедливость. Желание руководствоваться принципами великих предшественников Людовик XVIII выразил и в опубликованном в то же время своем письме принцу Конде: “Надеюсь, придет день, когда, завоевав, как Генрих IV, мое королевство, я, подобно Людовику XII, смогу заслужить имя отца своего народа”²⁰.

Авторы многочисленных проектов Декларации тоже испытывали необходимость подкрепить претензии короля на трон историческими примерами. Так, Лалли-Толандаль предлагал следующий символический ряд: Людовик IX, Людовик XII, Генрих IV и Людовик XVI²¹. Людовик Святой выступал здесь как символ борьбы за веру, следующие двое были фигурами чрезвычайно ценными и в предыдущее царствование, разве что в Генрихе IV видели прежде всего доброго короля, а не короля-воина²². Имя Людовика XVI, вне всякого сомнения, должно было обозначить готовность примириться с революцией, найти с ней компромисс.

В тексте Декларации имя Людовика XVI появляется существенно позже, тогда, когда речь заходит об исправлении злоупотреблений Старого порядка. Он изображен человеком не от мира сего, “королем-мучеником, послушным Богу, который сделал его

¹⁸ См., например: *Spronck M.* Les projets de la réaction monarchique pendant la révolution. – *La Révolution française*, t. 9, juillet – décembre 1885, p. 46 et suiv.

¹⁹ Цит. по: *Augeard J.M.* Mémoires secrètes de J.M. Augeard, secretaire de commandements de Marie-Antoinette. Paris, 1866, p. 335.

²⁰ Au Prince de Condé. A Vérone, le 24 juin 1795. – *Écrits politiques de S. M. Louis XVIII, Roi de France et de Navarre*. Paris, 1824, p. 29–30.

²¹ МАЕ, v. 588, f. 391.

²² Подробнее см. *Пименова Л.А.* Людовик XVI – французский король века Просвещения. – *Человек эпохи Просвещения*. М., 1999.

государем”. Людовик XVI – автор прекрасных “проектов, мудро задуманных им ради блага заблуждающегося народа, который его и погубил”. Каковы эти проекты, впрочем, не понятно, впрямую говорится лишь о его завещании, где он “обрисовал нам наши обязанности”. Здесь и правда следовало быть осторожным: ведь Людовик XVI одобрил конституционную монархию, Декларацию прав человека и гражданина, отмену сословий, гражданское устройство духовенства и многое другое. Не удивительно, что из чернового проекта Декларации была вычеркнута фраза: “Все, что не смог сделать Людовик XVI, завершим мы”²³.

Добродетелям королей в Декларации противопоставляется эпоха революции: “Кошмарный опыт с необычайной силой просветил вас (французов. – Д.Б.) относительно ваших бед и их причин. Безбожники и мятежники, соблазнив вас лживыми призывами и обманными посулами, втянули вас в отрицание религии и бунт, и с тех пор на вас со всех сторон обрушивается поток катастроф”.

Революция представлена в Декларации как гнев Божий за отказ от религии отцов и бунт против престола, из чего следует, что текст был адресован основной массе населения страны, которая устала от постоянных пертурбаций, но мало что от них приобрела. В то же время явно не учитывались желания и интересы тех, кто воспользовался происходившими переменами и рассчитывал закрепить свой успех. Ополчившись на членов Учредительного собрания (“неверных уполномоченных, предавших ваше доверие”), якобинцев и монтаньяров (“подозрительных и свирепых тиранов”), на депутатов Конвента после Термидора (“соперничающую клику, в чьи руки перешел окровавленный скипетр и которая, чтобы захватить власть и пожать плоды своих преступлений, скрылась под маской умеренности”), Людовик XVIII возложил на них вину за то, что французы, “разрушив алтари и трон королей, сделались несчастными”.

В соответствии с этой же логикой король видел и выход из кризиса: французы сами должны “отвергнуть господство коварных и жестоких узурпаторов, которые сулили счастье, но принесли лишь голод и смерть”; необходимо вернуться к католической религии, “обеспечивавшей Франции благословение небес”; следует восстановить ту форму правления, “которая на протяжении 14 веков составляла славу Франции и отраду французов”.

Говорилось в Декларации и о том, что для Людовика XVIII являлось сутью этой формы правления, иными словами, суть Старого порядка, и прежде всего о конституции. Король призывал не верить тем, кто станет утверждать, будто бы при Старом порядке конституции не было – “она существует, столь же древняя, как и монархия франков, она плод гения, шедевр мудрости, следствие опыта”. Это чрезвычайно интересный сюжет, особенно в свете оценок авторов многочисленных работ о революции и наполеоновской эпохе, которые подчеркивают: лишь вмешательство иностранных армий заставило Бурбонов перейти к конституционной монархии²⁴. На самом деле это не так. Фундаментальные законы французской монархии всегда воспринимались как неписаная конституция королевства. Солидарны с королем и авторы проектов Декларации, также считавшие, что во Франции и до революции была конституция – фундаментальные законы монархии, “кодекс наших взаимных обязанностей и наших прав”, “плод опыта и гения”²⁵. Трудно сказать, насколько король лукавил, а насколько был искренним, но и в официальных заявлениях, и в переписке Людовика XVIII с 1795 г. постоянно звучит мысль о том, что для него непринципиально, останутся ли фундаментальные законы неписаной конституцией страны или же они будут оформлены в специальную хартию.

Вообще, весь раздел Декларации, посвященный восстановлению монархической формы правления, видится тщательно и глубоко продуманным. Людовик XVIII ясно давал понять: при формальном сохранении всех основ Старого порядка многое будет изменено и изменено радикально. Иначе говоря, предлагался компромисс, хотя вопрос

²³ МАЕ, v. 588, f. 244.

²⁴ См., например: *Ревуненков В.Г.* История французской революции. СПб., 2003, с. 622.

²⁵ МАЕ, v. 588, f. 238v.–239.

о конкретных деталях государственного устройства, как и у монтаньяров, отодвигался до установления окончательного мира в стране.

От Старого порядка данный компромисс наследовал форму. Фундаментальные законы монархии неизменны, люди не вправе трансформировать их по собственному желанию, что и делает эти законы такими прочными. Королю необходимо вернуть все утраченные им права. Католическая религия должна быть восстановлена, так же как и система трех сословий, поскольку именно она обеспечивает соподчинение различных частей общества, без которого общество существовать не может. Вместе с тем король считал необходимым пояснить, почему он придерживается фундаментальных законов монархии: конституция “сама по себе создает для нас благотворную невозможность ее изменить”. Во времена, когда царит мания нововведений, только древняя конституция, обеспечивавшая королевству процветание на протяжении многих веков, способна “объединить все души”, всех подданных. К тому же в силах французов “вернуть ей всю ее чистоту... все ее могущество, которое время ослабило”.

Достаточно жестко обозначенная позиция, намеченные контуры государственного устройства могли восприниматься негативно, поэтому Людовик XVIII специально подчеркнул характерный и для Старого порядка принцип верховенства закона над всеми, включая монарха, “чтобы обезопасить мудрость законодателя от козней обольстителей и защитить от злоупотреблений власти свободу подданных”. Большинство же черт Старого порядка, которые вызывали бурные дискуссии еще в 1789 г., король, напротив, постарался обойти. Хотя в некоторых проектах и предлагалось объявить об отмене “тягостных и одиозных феодальных прав” (тем более что этого требовали еще в наказах Генеральным штатам)²⁶, в окончательном тексте о них нет ни слова. Что касается предложения, содержавшегося в некоторых проектах, об уплате налогов всеми тремя сословиями²⁷, то король декларировал лишь, что установление налогов регулируется конституцией, “чтобы народ мог быть уверен: налоги, которые он платит, необходимы для блага государства”.

В проектах планировалось также восстановление парламентов, “хранителей такого государственного устройства, которое предоставляет законам истинную защиту от нововведений”²⁸, однако Декларация о них умалчивает. В ней говорится только о суверенных судах. Король упоминает о “наших палатах магистратов, которые всегда были включены в органы правосудия и подавали пример повиновения законам, служителями коих являлись”, а также провозглашает, что конституция “доверяет главным корпорациям магистратов сохранение законов, чтобы они следили за их исполнением и напоминали Монарху о его святой обязанности, если он станет заблуждаться”. Что это – старые парламенты или какие-то новые органы – совершенно не ясно.

В Декларации предусматривалось и немало нового – даже если оставить в стороне абстрактную фразу о том, что пороки древней системы управления страной будут исправлены. Король не мог не задумываться над тем, что будет после восстановления монархии с людьми, сделавшими за шесть лет революции успешную военную или чиновничью карьеру. Конституция, отмечал он, “не закрепляет ни за одним сословием каких бы то ни было политических прав, не характерных для всех; она оставляет открытым доступ ко всем занятиям французам из любого класса; она в равной мере обеспечивает защиту общества всем людям и всему имуществу – именно так исчезнет в глазах общества и в храме Правосудия все то неравенство среди жителей единой империи, которое гражданское общество поневоле привносит, исходя из их положения и состояния”. Здесь, безусловно, не говорится о равенстве всех сословий, однако нарисованная картина разительно отличается от той, что была характерна для Старого порядка. В сущности, это несколько завуалированные и модифицированные статьи Декларации прав 1789 г. о равенстве прав, равенстве всех перед законом, равном доступе ко всем

²⁶ Ibid., f. 235v.

²⁷ Ibid., f. 241v.

²⁸ Ibid., f. 240v.

общественным должностям. Согласно королевской Декларации, конституция гарантировала французам и личную свободу.

Одним из самых сложных вопросов, который необходимо было осветить в Декларации, стал вопрос о судьбе французов, поддержавших революцию. Шансы на реставрацию монархии силами воюющих с Францией держав становились все более иллюзорными, и Людовик XVIII отлично понимал, что, если против его возвращения выскажутся власть имущие, страна утонет в крови. Это подталкивало короля к провозглашению широкой амнистии. (Любопытно, что несколько месяцев спустя аналогичную амнистию в знак национального примирения объявит и Национальный конвент в самом финале своей работы.) Однако простить пришлось бы слишком многое – от взятия Бастилии до казни Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Получалось, что “мятежные подданные” шесть лет грабили и убивали дворян и священников, лишили родины многих верных королю людей, уничтожили помазанного монарха и часть его семьи, а теперь Людовик XVIII должен был все это простить и призвать своих сторонников к забвению прошлого.

Известный специалист по истории контрреволюции Э. Доде описывает, как обсуждался вопрос об амнистии применительно к тексту Декларации соратниками Людовика XVIII: «Д'Аварэ²⁹ с горячностью воскликнул: “Первое слово короля должно призвать меч справедливости обрушиться на головы убийц его брата!”». Монарх поддержал его со словами: “Мой брат, мой племянник, моя семья, мои подданные требуют отмщения. Неужели, господа, вы не слышали клевету, которая меня преследует? Если я буду выглядеть снисходительным, не преминут сказать: вот, почитайте, видите радость, которая пронизывает (Декларацию. – Д.Б.), и триумф честолубия!”³⁰

Трудно сказать, на каких источниках основывался Доде, однако король действительно вряд ли мог позволить себе быть излишне снисходительным. В то же время объявление широкой амнистии, в идеале включавшей и цареубийц (либо всех, либо с некоторыми оговорками), было в его интересах. Эта идея вызывала поддержку у современников, исповедовавших самые разные политические взгляды. Порой она даже рассматривалась как подведение черты под революцией. Амнистии требовали монаршьяны³¹, она не раз упоминается в проектах Декларации, отправленных королю³², за нее неизменно ратовали и англичане³³.

Однако, согласившись на амнистию, Людовик XVIII потерял бы свое лицо и оттолкнул от себя тех, кто был ему верен все эти годы. Отсюда и проистекала двойственность решения этой проблемы в Веронской декларации. “Мы не только не видим преступлений в простых ошибках, – говорилось в ней, – но и сами преступления, вызванные этими ошибками, заслуживают в наших глазах прощения. Все французы, которые, отвергнув пагубные взгляды, припадут к подножию нашего трона, будут нами приняты; все французы, единственная вина которых состоит в том, что они позволили себя увлечь, найдут в нас не непоколебимого судию, а полного сочувствия отца”. И все-таки Людовик XVIII проводил четкую грань между сохранившими верность престолу и поддержавшими революцию: “Те, кто оставался верен, несмотря на мятеж; те, кто проявил героическое самопожертвование, разделив с нами изгнание и беды; те, кто уже

²⁹ Антуан Луи Франсуа де Безьяд, граф д'Аварэ (1759–1811) – организатор бегства графа Прованского за границу, затем капитан его гвардии, с 1799 г. герцог. Не занимал никаких административных постов, однако являлся ближайшим доверенным лицом Людовика XVIII, которого тот называл своим “вторым я”.

³⁰ Daudet E. Op. cit., v. 2, p. 10.

³¹ См., например: Mallet du Pan J. Op. cit., v. 2, p. 160.

³² МАЕ, v. 588, f. 233, 234v.

³³ The Correspondence of the Right Honourable William Wickham from the Year 1794, v. 1. London, 1870, p. 13; МАЕ, v. 624, f. 86–86v, 86v–87. Впрочем, как показывает письмо Уикхэма к Гревилью от 25 мая, англичане не сомневались, что таких намерений придерживаются и сами принцы: амнистия всем, кроме “цареубийц и убийц”. – The Correspondence of the Right Honourable William Wickham..., p. 54.

стряхнул с себя шоры иллюзий и ярмо мятежа; те, кто все еще обуян преступным упрямством, но поспешат вернуться к разуму и к исполнению своих обязанностей, – все будут нашими детьми. Если одни сохранили достоинство и свои права благодаря неизменным добродетелям, другие вновь обретут их через спасительное раскаяние; нашей любви хватит на всех”.

Но было бы странно, если бы король не сказал в Декларации ни слова о наказании участникам революции. Большинство из них он вверял божественному правосудию и их собственной совести. Большинство, но не всех. “Есть, однако, злодеяния, которые не могут стереться из нашей памяти, как и из памяти всех людей. Есть злодеяния, жестокость которых переходит границы королевского милосердия, – подчеркивалось в Декларации. – На том навеки проклятом заседании, где подданные осмелились судить Короля, все депутаты³⁴, участвовавшие в процессе, сделали сообщниками. Но нам хотелось бы верить, что те, чьи голоса имели целью отвести отцеубийственную сталь от его священной главы, стали в один ряд с его убийцами лишь из желания спасти его, и по этой причине они могут заслуживать прощения³⁵. Однако вся Франция призывает обрушить меч правосудия на негодяев, чьи святотатственные уста осмелились потребовать его (короля. – Д.Б.) смерти, на всех тех, кто способствовал ей, на прямых и непосредственных исполнителей его казни... на тех, кто достиг апогея в своих преступлениях, отправив на эшафот Королеву, проявившую в тюрьме еще более величия, чем на троне, Принцессу³⁶, которую небеса сделали совершенным образцом всех добродетелей, на этих чудовищ, о ком в грядущем будут вспоминать, содрогаясь от ужаса”.

Этот пассаж из Декларации, как правило, рассматривается в политическом раскладе лета 1795 г. Документы свидетельствуют, что даже ближайший круг придворных боялся жесткими и однозначными формулировками оттолкнуть участников суда над королем и советовал Людовику XVIII выразить свои мысли обтекаемо³⁷. Как уже отмечалось выше, с политической точки зрения королю было выгодно пообещать цареубийцам помилование и тем привлечь их на свою сторону. Однако роялисты, справедливо напоминает французский историк Ф. Фюрейкс, воспринимали казнь Людовика XVI как катастрофу, преступление из преступлений, “национальное отцеубийство, религиозное богоубийство и моральный позор, но в то же время как явленное провидением чудо, поскольку оно давало возможность обратить его (короля. – Д.Б.) в жертву”³⁸ и вызвать тем самым симпатии французов.

Если исходить из этой позиции – а Людовик XVIII наверняка вынужден был ее придерживаться, вне зависимости от личного отношения к брату, – становится очевидной вся неуместность разговоров о политической выгоде. Уже к 1799 г. выход будет найден: прощение, которое даровал своим врагам в завещании Людовик XVI, даст Людовику XVIII моральное обоснование включить цареубийц в рамки амнистии. Однако в 1795 г. он либо еще не додумался до подобной логической эквилибристики, либо надеялся, что она не понадобится: ведь английский народ в конце концов принял, если не одобрил, исключение из амнистии тех, кто казнил Карла I. Имелся и французский прецедент: в 1594 г. парламент отказался зарегистрировать амнистию убийцам короля.

Пытаясь пройти между Сциллой и Харибдой, король постарался заверить подданных не только в том, что цареубийцы – единственное исключение из запланированной им всеобщей амнистии, но и в том, что государство не позволит частным лицам мстить

³⁴ В одном из предварительных набросков – “так называемые депутаты”. – МАЕ, v. 588, f. 239v.

³⁵ В одном из предварительных набросков – “и если этот мотив будет доказан, они могут стать достойны прощения”. – МАЕ, v. 588, f. 240.

³⁶ Речь идет о сестре Людовика XVI Мадам Элизабет, казненной весной 1794 г.

³⁷ МАЕ, v. 588, f. 257v.

³⁸ Fureix E. Regards sur le(s) regicide(s), 1814–1830. Restauration et recharge contre-révolutionnaire. – Mémoires et miroirs de la Révolution française. Siècles. Cahiers du Centre d’histoire “Espaces et cultures”, Clermont-Ferrand. Université Blaise Pascal-Clermont-Ferrand II, 2006, № 23, p. 31.

кому бы то ни было. Эти строки Декларации должны были донести до подданных и еще одну важную мысль: никто из тех, кто вернется с Людовиком XVIII, не держит на французов зла. Напротив, монарх окружен людьми, желающими блага оставшимся на родине. Принцы, “верные нашему дому”, “дорожат вами так же, как и мы вас любим”. Не поддержавшие революцию клирики подают пример “забвения обид и любви к врагам”. Магистраты “не подвержены страстям, поскольку их долг – подавлять страсти”. Дворянство “покинуло страну только для того, чтобы лучше ее защитить”. “Кто осмелится мстить, когда Король прощает?” – резюмирует Людовик. Впрочем, прощение и защита обещаны лишь тем, кто одумается и не станет сражаться с монархом после принятия Декларации.

Проанализировать произведенный Декларацией эффект довольно сложно. Складывается ощущение, что республиканские власти посчитали ее не несущей никакой угрозы. О манифесте свободно и откровенно писали парижские газеты³⁹, включая проправительственные. Газетчики с удовольствием цитировали Малле дю Пана, заявившего, что после Веронской декларации Людовик XVIII “может смело поставить на Франции крест. Он ее больше не увидит, разве что на географической карте”⁴⁰.

Публикация текста, абсолютно не соответствовавшего взглядам монаршьяков, была воспринята ими как оскорбление. Один из них писал 5 декабря 1795 г. Малле дю Пану из Лондона: “Что до моральных мер и политической доктрины, которую надо представить Франции от имени Принцев и держав, все было испробовано, но тщетно. Лалли проделал великолепную работу, но к ней отнеслись с пренебрежением”⁴¹.

Критику Декларацию, им вторили и другие конституционные монархисты. Широкою известность впоследствии приобрели слова генерала Ш.Ф. Дюмюрье: “Самое большое несчастье Людовика XVIII заключается в том, что двор у него появился раньше, чем королевство. Придворные, которые его окружают, ничего не забыли и ничему не научились”⁴². Посвятив Декларации специальный памфлет, Дюмюрье предпослал ему ехидный эпиграф из Горация: “Так и Телеф, и Пелей в изгнании и бедности оба, / Бросивши пышные речи, трогают жалобой сердце!”⁴³. Слово за словом анализируя стиль и суть Декларации, Дюмюрье приходит к выводу, что вся она, от начала до конца, совершенно неуместна: у Франции не было никакой конституции; парламенты – институт относительно новый и даже Людовик XV расправился с ним без колебаний; депутаты, которые присутствовали на суде над Людовиком XVI, но проголосовали против казни, следует считать героями. Написанная в таком тоне Декларация имела бы право на существование, если бы ее издали в Версале в окружении 20-тысячной армии, но, сочиненная за границей, она неприлична. Смешно восхвалять вандейцев, однажды уже заключивших мир с республикой и признавших ее. Чтобы стать отцом Отечества, заключает Дюмюрье, для начала необходимо почувствовать себя его первым чадом.

Декларация показалась неудачной даже некоторым преданным сторонникам Людовика XVIII, и они не преминули сообщить ему об этом. Один из них с сожалением отмечал: “Следовало просто объявить, что Король примет все, что пожелает Нация, если опыт еще не показал, насколько это может быть опасно”. Теперь же, заключает автор этого письма королю, народ отвернулся от идеи реставрации, поскольку полагает, что монарх хочет восстановить то, что было, в неизменном виде⁴⁴.

Не в восторге от текста был и А.Л.А. де Ля Фар, епископ Нанси и бывший депутат Генеральных штатов, на протяжении долгих лет эмиграции входивший в число дове-

³⁹ См., например: *Bulletin républicain*, 16 messidor (4.VII.1795), № 286, p. 1141; *Courrier universel*, 17 fructidor (3.IX.1795); *Réimpression de l'ancien Moniteur*, v. 25. Paris, 1842, p. 641–642.

⁴⁰ *Le Censeur des journaux*, 24 vendémiaire (16.X.1795), № 50, p. 3.

⁴¹ *Malouet P.V.* Mémoires de Malouet, v. 2. Paris, 1874, p. 449.

⁴² *Dumouriez Ch.F.* Examen impartial d'un écrit intitulé Déclaration de Louis XVIII, Roi de France et de Navarre. 15 septembre 1795. Hambourg, 1795, p. 40.

⁴³ Перевод М. Дмитриева.

⁴⁴ МАЕ, v. 588, f. 380–381v.

ренных лиц графа Прованского. Позже он вспоминал, что и ему, и его единомышленникам представлялось, что король был введен в заблуждение недобросовестными придворными, скрывавшими от него истинное положение дел во Франции. Епископа тогда поддержал ряд других влиятельных эмигрантов, и они некоторое время обменивались письмами с королем и его окружением, пытаясь убедить друг друга⁴⁵.

Положительных откликов на Декларацию оказалось значительно меньше, но и их было немало. В Национальном архиве Франции хранятся письма М.-Ж. д'Эна (1730–1804), бывшего интенданта Лимузена, Беарна и Турени, королевского советника, члена-корреспондента Королевской академии наук Пруссии и тестя известного просветителя барона Гольбаха. В них д'Эн восхищается Декларацией, замечает, что она “позволила всем подданным узнать отеческие чувства, которые к ним испытывает Е.В.”⁴⁶ Он рассказывает, что в Лондоне, где он был, Декларацию встретили аплодисментами, “ей были очарованы все те из нас, кто не скрывает своей верности, все приверженцы древних принципов, все преданные своим государям”; “и англичанам она понравилась, как и нам”, а критикуют Декларацию “лишь оппозиционные листки, находящиеся под влиянием французских и английских якобинцев”⁴⁷.

Декларация встретила понимание не только у эмигрантов. В перехваченном французскими властями письме из города Юнинг в Эльзасе говорилось, что в Лионе роялисты отпечатали Декларацию тиражом 5 тыс. экземпляров и она быстро разошлась⁴⁸. Даже Г. Бабёф, которого трудно упрекнуть в симпатиях к монархии, написал в своем “Трибуне народа”: “Прокламация Людовика XVIII не была кровожадной, она предвещала верноподданным если не курицу в каждом горшке, то все же золотые горы”⁴⁹.

Таким образом, кочующая по историческим исследованиям плоская черно-белая картинка – твердолобый, не осведомленный об истинном положении во Франции король, сторонник Старого порядка, обращается к не желающим его знать подданным с абсолютно неуместной декларацией – рассыпается на глазах. Граф Прованский был информирован о ситуации во Франции настолько, насколько это было возможно. Более того, он стремился получать информацию из разных источников. Декларация писалась отнюдь не в спешке: Людовик успел получить проекты со стороны и тщательно поработать над формулировками. Он вовсе не был безоговорочным поклонником Старого порядка и не раз демонстрировал способность к компромиссу. В чем же тогда причина создания столь неудачного текста?

Главные претензии критиков Декларации сводились к тому, что будущее государственное устройство слишком сильно напоминало Старый порядок. Это был, пожалуй, основной просчет короля в ситуации, когда стремление к восстановлению монархии являлось не столь безусловным, как его преподносили бюллетени д'Антрэга. Французам важно было не просто восстановить традиционную или законную власть, но и понять, что эта власть готова им предложить. Кроме того, политическая конъюнктура 1795 г. не исключала и реставрацию мирным путем, через победу на выборах, а в выборах из роялистов участвовали в основном конституционные монархисты.

Объяснений этому просчету, на наш взгляд, несколько. Прежде всего, никаких “канонических”, общепризнанных черт Старого порядка не существовало. Король явно выделил для себя те его компоненты, которые, по его мнению, составляли суть монархии – фундаментальные законы королевства, опора на католическую религию, сослов-

⁴⁵ *Exposé fidèle de ma conduite depuis ma sortie de France le 20 octobre 1792 jusqu'à ce moment.* [s.d.]. – Archives Nationales (далее – AN), 198 AP 4, doss. 4, p. 13, 14.

⁴⁶ AN, 291 AP 1. Papiers d'Aine, doss. 2. Sous-dossier 14. Vérone, le 9 9bre 1795.

⁴⁷ *Ibid.*, doss. 4, Londres, le 31 août 1795.

⁴⁸ *Recueil de la correspondance saisie chez Lemaître, et dont la Convention a ordonné l'impression.* Paris, an IV, p. 31.

⁴⁹ *Бабёф Г. Трибун народа. № 34. 15 брюмера IV года (6 ноября 1795 г.). – Бабёф Г. Соч., т. 3. М., 1977, с. 466. Правда, он тут же посчитал необходимым напомнить: “Но мы издавна знаем, чего стоят обещания королей и вельмож”.*

ная структура общества. Были придворные, уговаривавшие графа Прованского использовать момент и обещать все что угодно, чтобы расширить сферу своего влияния. Еще в начале июня маршал де Кастри писал Месье по поводу будущей декларации, что даже Генриху IV пришлось на время поступиться принципами, хотя он и завоевал свое королевство; причем уступка эта была временной, и к концу жизни он имел предостаточно власти. К тому же де Кастри напоминал, что, если бы графа Прованского посадили на трон иностранные державы, едва ли уступки были бы меньше⁵⁰. Но пойти на это означало для Людовика XVIII перестать быть королем.

Другие составные элементы Старого порядка были для Людовика XVIII не так принципиальны и могли бы стать поводом для дискуссий. Что-то он готов был изменить и сам. Биограф Людовика XVIII Ф. Мэнсел справедливо отмечает, что Декларация представляла собой большой прогресс по сравнению с тем, что граф Прованский провозглашал ранее: “Несмотря на противоположные советы, Людовик не упоминает о парламентах, специально подчеркивает полное равенство всех перед законом и равный доступ ко всем должностям. Нет никакого отдельного упоминания о конфискованных землях эмигрантов, а наказание грозит только цареубийцам”⁵¹.

Создавая Декларацию, Людовик XVIII рассматривал ситуацию глазами человека из 1789 г. В сущности, он анализировал причины революции. Декларация не учитывала тех революционных изменений, которые многим французам казались отнюдь не пагубными: признание народного суверенитета, перераспределение земельной собственности, отказ от принципа назначаемости в пользу принципа выборности, уничтожение титулов и сословий. Практически в Веронской декларации нашла отражение лишь Декларация прав человека и гражданина. Заметим, однако, что тот же принцип народного суверенитета, провозглашенный в Конституциях 1791, 1793 и 1795 гг., исчезнет уже к 1799 г. Уйдет в прошлое и безусловный принцип выборности, вернутся дворянство и титулы. Но все это произойдет постепенно, позже и осуществится режимом, который обладал кредитом доверия.

Еще одним просчетом короля стало описание будущего Франции лишь в самых общих чертах. В архиве сохранилось послание некоего аббата Вайяра из Руа, ознакомившегося с Декларацией только полтора года спустя, но посчитавшего необходимым донести до монарха свое мнение. Он не сомневался, что в столь важном документе Людовик XVIII должен был посвятить французам во все мельчайшие детали будущей государственной системы. “Ваше Величество объявил о возвращении древней Монархии, — писал аббат, — подтолкнул народы вернуться к ней, но не сообщил никаких подробностей, не объявил ни о каких изменениях в системе управления государством. Ваш народ может подумать, что Вы хотите восстановить откупа и габель, эд и притеснения их сборщиков, интендантов и чиновников... взимание двадцатины и прочая, и прочая”. Аббат обращал внимание короля на то, что народ может судить о древней конституции французской монархии лишь по ее проявлениям на практике, в системе управления, тогда как именно эта система казалась ему настолько порочной, что он уничтожил ее в ходе революции⁵². Вайяр также советовал успокоить людей по поводу того, что вызывает у них наибольшие опасения: объявить, что Людовик XVIII не отменит ассигнаты, пообещать, что налоги не будут увеличены (поскольку бюджет и раньше был дефицитным, а за годы революции долги только накопились), посулить армейским офицерам сохранение за ними должностей, даровать прощение и прочное финансовое положение депутатам и чиновникам, чтобы те не настраивали народ против монархии, объяснить, что с восстановлением дворянства и духовенства не произойдет возвращения феодальных прав и т.д.

Ничего этого сделано не было, и по вполне понятной причине: Декларация должна была лишь сформировать определенный образ короля в глазах его подданных — образ,

⁵⁰ *Castries, duc de. Papiers de famille. Paris, 1977, p. 179.*

⁵¹ *Mansel Ph. Op. cit., p. 111.*

⁵² MAE, v. 590, f. 21v. et suiv.

способный привлечь как эмигрантов, мечтающих о реванше, так и тех, кто оставался внутри страны, некогда приветствовал революционные преобразования, делал карьеру в армии и администрации. Один неверный шаг – и король оттолкнул бы от себя часть французов. Стоило, к примеру, упомянуть о восстановлении полномочий парламентов, и для многих это был бы сигнал о возвращении к системе Старого порядка. А не упомянув о них, король рисковал вызвать возмущение десятков магистратов, хранивших верность монарху, участвовавших в делах роялистского подполья, боровшихся в эмиграции. Когда в первые годы революции граф Прованский заигрывал с новыми властями, роялисты перешептывались за его спиной, но терпели. Теперь же подобное заигрывание могло лишить его поддержки тех, кто потерял все – дом, собственность, родных и близких.

Была и еще одна проблема. Все уступки Людовика XVIII показывают: он все тот же гибкий и умелый политик, что и накануне революции. Но не раз прежде осуждавший брата и считавший, что лишь твердая позиция может сплотить эмигрантов, могли теперь граф Прованский повторить его путь? Вероятно, прав и Ф. Мэнсел, напоминая, что у короля не было детей и это заставляло его рассматривать управление государством как своеобразное “семейное дело”. Король понимал, что точно так же, как Людовик XVI своим одобрением декретов Учредительного собрания создал для своих преемников во многом тупиковую ситуацию, так и он сам рискует одобрить те принципы реставрации, которые впоследствии не сможет принять его наследник – граф д’Артуа. А открытое выступление младшего брата против Декларации могло окончательно разрушить и без того хрупкое единство контрреволюционного лагеря. Людовик XVIII, резюмирует Мэнсел, не хотел, “подобно Людовику XVI в 1787–1788 и 1791–1792 гг. или подобно Иосифу II в 1789–1790 гг., в надежде на шаткий и непрестижный трон проводить политику, которая саботировалась бы значительной частью правящей элиты”⁵³.

После подписания Декларации Людовику XVIII часто высказывался и еще один упрек: неужели он не понимал, что неготовность пойти на компромисс с цареубийцами ставит крест на реставрации мирным путем? Однако если бы Людовик XVIII пощадил цареубийц, он фактически и сам стал бы цареубийцей.

Пройдет всего несколько лет, и Людовик XVIII научится прощать даже цареубийц. Заявит, что те чиновники, солдаты и офицеры, которые поклянутся ему в верности, останутся на своих местах. Попытается примирить и объединить многократно расколотое духовенство. Но Веронская декларация 1795 г. все равно войдет в историю как его крупный просчет.

⁵³ *Mansel Ph. Op. cit.*, p. 112–113.